

НИКАКОЕ РЕМЕСЛО ЗА ПЛЕЧАМИ НЕ НОСИТЬ: Т.С. МОРДОВИНА О СВОЕЙ СЕМЬЕ И РАБОТЕ

Тамара Сергеевна Мордовина, уроженка Томска, выпускница юридического факультета ТГУ, прошла путь от помощника прокурора Кожевниковского района до управляющей делами Администрации Томской области. В продолжение многих лет она работала в прокуратуре, горкоме КПСС, в облисполкому. И на всех должностях она проявляла привитое с детских лет понимание того, что только упорный и честный труд, чувство самоуважения и доброжелательного отношения к окружающим позволяют добиться успеха в дела. И, как не раз отмечала сама Тамара Сергеевна, ей очень повезло с учителями-наставниками, под руководством которых ей довелось работать. Надежной опорой была семья: родители, муж Александр Викторович Мордовин, дочь Людмила и сын Сергей, брат Геннадий, сестра Ольга. Тяжелые утраты не обошли ее семью. В 2011 г. погиб в автомобильной аварии сын. Как справлялась и справляется с таким горем Тамара Сергеевна, видимо ей одной. Говорят, что помогают книги, в которых много мудрости и человеческого опыта. С их помощью она продолжает жить, понимая, что на каждом жизненном этапе есть свои радости, победы и поражения.

И старость – не исключение, а наоборот, самый ответственный период жизни, когда нужно не жалеть о прошлом, а учиться новому умению быть счастливой и полезной.

Воспоминания Тамары Сергеевны Мордовиной были записаны мною в ноябре 2001 г. в рамках архивного проекта «Томичи о времени и о себе». Ее рассказ производит сильное впечатление и чистосердечностью признаний, и обилием событий, и благодарностью семье, играющей едва ли не главную роль в ее жизни.

Г.И. Кан

Слова о ремесле, услышанные в семье, определили, можно сказать, всю мою жизнь. Мои предки – столыпинские переселенцы, прибыли в Сибирь из Белоруссии, из под Витебска. Осели на территории нынешнего Асиновского района. В родительской семье моего отца Сергея Коваленко было девять детей. Крепкое хозяйство, в котором все трудились, обрушилось во время коллективизации. Семья спаслась благодаря моему отцу, которому было в то время 14 лет. Ночью он успел вывезти и закопать в зимнем лесу несколько мешков зерна, а остальное выгребли подчистую. Потом отец тяжело болел, а семья

сумела-таки дожить до нового урожая благодаря спрятанному зерну.

С болью рассказывал отец, что председателем сельсовета стал человек, который только на завалинке посиживал да на гармошке играл, в то время как другие трудились в поте лица. Именно он забирал со двора лошадей, выгребал зерно в семье моего отца, говоря при этом: «Хватит, поездили на хороших лошадях, теперь мы будем».

Отец, Сергей Фомич Коваленко, практически всю жизнь не любил советскую власть. Среди его родных были талантливые люди, например, его двоюродный брат из деревни мог что угодно сделать — смастерить маслобойку, шерстомойку и др. Сгинул в лагерях за то, что хорошо жил. Парадокс: хорошо жить было плохо. Мы, я и брат, были уже пионерами, потом комсомольцами, и все старались убедить отца в том, что он не прав в своем осуждении идеи коммунизма. А он говорил: неправда, будто частная собственность — это плохо.

В жизни моих родителей было все, пережитое советскими людьми: война, послевоенная разруха. Они встретились в 1947 году, когда отец после окончания войны отслужил срочную службу и приехал в Томск. Мама, Вера Георгиевна, из крестьянских переселенцев из Западной Украины, жила с родителями в Томском районе, в деревне Киргизке. Отец ее был очень талантливым человеком, занимался пчелами, разводил цветы, любую вещь мог сделать своими руками, и моя мама все это унаследовала от него. Помню, в детстве мне нравилось смотреть, как дед работает. Все в руках у него спорилось, весь рабочий инструмент у него как игрушка. На верстаке все сложено в идеальном порядке. Мама говорила о нем, что если сделает косу, то она сама косит, если тяпку — то в руках играет. Все мог: и валенки вальять, и сапоги тачать. И очень был музыкальный, любил петь. В этом они сошлись с моей бабушкой, которая имела необыкновенной красоты и силы голос, с детских лет пела в церковном хоре. С детства у меня сохранилось в памяти, как в доме бабушки и деда собирались по праздникам большие компании, и звучали русские народные песни (кстати, и отец мой хорошо играл на гармони). И меня с тех пор всегда трогает за душу, когда кто-то поет.

Мама в то время только что вместе со своей сестрой поступила в техникум общественного питания, но, выйдя замуж, учебу

оставила. Молодожены построили в Королевке (район улицы Сибирской) небольшой домик. В этом домике родилось у них трое детей: я — старшая, брат младше меня на год и три месяца и сестра на шесть лет младше меня.

Когда в 1949 году началось строительство недалеко от Томска нового города, который между собой называли Почтовым (современный Северск), наш отец устроился водителем, получил комнату в бараке в поселке Чекист, перевез туда семью. Потом нам дали 2-комнатную квартиру в самом городе, который называли тогда Березки, а ныне, как уже говорилось, это Северск. Я окончила в Северске 10 классов, брат — 9, сестра — 5. Но реализуя свою мечту о собственном доме на земле, отец сам построил дом в поселке спичфабрики, и мы переехали туда. Доучивались в школе № 19, причем мы с братом окончили школу одновременно; это было в 1966 году, когда из школ выпустили сразу 11-й и 10-й классы.

Родители мои живы, слава богу. Папе 83 года, маме — 74 года. Они остались по натуре крестьянами и живут поэтому, хоть и в городе, но в своем доме. Отец, ныне слабый пожилой человек, и сейчас, где увидит клочок земли, ему надо обязательно его обработать и засадить. Еще до 1993 года у него и пасека была, и огород, и корову держали.

Брата уже нет в живых, умер от сердечного приступа в 44 года. Это моя нестихающая боль. Мы были очень близки по жизни. Получалось так, что мы всегда были вместе. Одновременно окончили школу, одновременно поступали: я — в ТГУ на юридический, он — в ТИСИ на механический факультет. Вместе бывали на студенческих вечерах, я общалась с его друзьями, он — с моими. Влюбился в мою подругу. Моя свадьба — брат обо всем хлопочет. Уехали с мужем, выпускником ТИСИ, в Кожевников, брат помогал обустраивать выделенную нам квартиру. Родилась дочь — он приехал из Томска с фруктами и цветами (это зимой!). А позже в Томске мы часто общались и по работе, многие вопросы были для нас общими: я работала в горкоме партии, заведовала отделом административных органов, а брат работал в ГАИ, был начальником Томского РОВД.

Не устану говорить слова признательности родителям. У нас с братом, начиная со школьной скамьи, было много друзей, и всех их мы приводили в дом. И в детстве,

Семья Мордовиных-Гребневых. В первом ряду слева направо: Тамара Сергеевна и Александр Викторович Мордовины, их дочь Людмила Александровна Гребнева и внучка Маша. Во втором ряду внук Саша, зять Евгений Викторович Гребнев, племянница зятя Дарья Шевченко, внучка Ксения Гребнева.

Фото 2019 г.

и когда взрослые были: я — при должностях, брат всю жизнь в ГАИ проработал. Скажу, что нам никогда не было стыдно за родителей. Простые люди, но какой-то внутренний такт, культура. Они всегда оставались самими собой, они были самодостаточны, кем были на самом деле, знали, за что себя уважать. Сегодня я могу себя похвалить и гордиться собой: я никогда ни перед кем не прогнулась: ни в партийные времена, ни в постсоветские. Я была хорошим исполнителем, жила по принятым законам. Мне не стыдно за свои убеждения, я не кривила душой, не льстила руководителям. Это — от моих родителей. Я могу не очень уважать человека, но на работе поддерживать с ним нормальные служебные отношения. Однако ничто не заставит меня говорить ему льстивые речи, кривить душой.

Еще мне отец говорил: «Учись всему, что тебе в жизни подвернется. Никакое ремесло за плечами не носить». Потому-то он у меня и шофер, и слесарь, и печник, и пчеловод, и штукатур-маляр. Он еще и сегодня печь может сложить. В доме нет ничего такого, чего бы отец не мог сделать своими руками, и это передалось нам. Мы все рукодельники, мы можем шить, вышивать, готовить, поддерживать в доме порядок, если надо — то и гвоздь забить. Я глубоко убеждена, что все в человеке идет от семьи.

Кого бы мы, повторяю, в дом ни приводили, всех наши родители привечали. Муж работал заместителем директора ТЗИА, и мы привозили в родительский дом даже работников министерства. Могли истопить баню у отца (тогда еще не было этих саун). И гости, уходя, всегда говорили: «Какие у вас прекрасные родители!». А потом при встречах всегда передавали Фомичу приветы, интересовались здоровьем. Родители располагали к общению, простые, интересные. Отец может говорить о политике, высказывать при этом свои суждения, однако всегда оставляет за собеседником право думать по-другому.

И это здорово! Отец для нас до сих пор величайший авторитет. Конечно, теперь уже возраст у него солидный, но с ним можно обо всем посоветоваться, обратиться за поддержкой. Наши с сестрой мужья тоже признают авторитет тестя. Что-то купить, сделать, построить, — обязательно ему все расскажут и ждут его мнения. Вот какие у меня корни!

Мы всегда жили около моих родителей. Я только на семь лет уезжала в Кожевниковский район после окончания университета. А так все время вокруг семьи: праздники — мы туда, выходной — мы у дедов, то косить, то снег сбросить. Мы всегда знали, кто чем живет, и не было секретов в семьях, все совместно обсуждается.

Говоря о нашей семье, опять вспоминаю брата. Прямой, доброжелательный, с чувством самоуважения. Никогда никому не сделал подлости. Мы так его любили! И вот эта скоропостижная смерть. Утром мы общались, а вечером мама кричит: «Гена умер!» Это был ужас! И пустота! Она у меня до сих пор не заполнена. Я все время ощущаю, что его нет. Каждый день езжу мимо поста ГАИ и каждый день его вспоминаю. Прошло уже восемь лет, а чувство утраты не проходит. Вот мы были атеистами, но смерть брата, размышления и духовные поиски привели нас в церковь.

Так вот и бывает, что только тогда, когда смерть вырывает из наших рядов близкого человека, когда горе обожжет, мы поворачиваемся к Богу. Мама-то всегда верующей была, а мы — нет. Я, конечно, осознавала, что Бог есть, было и понятие греха, но чтобы на настоящему верить, этого не было. Я пришла к Богу после смерти брата.

До 18-летия дочери я не имела права ее окрестить, хотя моя свекровка все время настаивала на этом. Она верующий человек, настоящая христианка. Ей сейчас 83 года. Она прожила тяжелейшую жизнь, но у нее сохранилась в душе необыкновенная доброта. Она из семьи раскулаченных, сосланных, пережила весь ужас, с этим связанный. И в семейной жизни многое горя было. Потеряла уже двух дочерей. Муж алкоголиком был. Всю жизнь — тяжелый физический труд. И вот она сохранила при этом доброту к людям. Я просто поражаюсь: откуда у нее это и как удалось ей не озлобиться. Никогда ни про кого ни одного плохого слова! Если что случится, говорит: «Ну, что ж, видно так Богу угодно, видно, так надо». И вот она говорила

мене о моей дочери: «Окрести Люду, а то умру скоро, грех на мне останется». Я же не могла этого сделать, меня могли за такое исключить из партии. И сына Сережу я окрестила не при рождении, а только перед тяжелой операцией на сердце, когда уже не работала, домохозяйкой была. Сыну делали зондирование, в результате чего он перенес клиническую смерть и лежал в реанимации. Врач спросил: «А почему он у вас без крестика?» Я ответила: «Думали, он вам мешать будет». «Крестик никому не может помешать. Наденьте крестик!» И на операцию они ребенка взяли с крестиком. Хирурги все время ходят рядом со смертью и поэтому по-другому относятся к вере в Бога и крещению.

...Что касается дум о будущей профессии, то с 8-го класса передо мной стоял в памяти образ прокурора, который приходил тогда в нашу школу и выступал перед учениками. Он показался мне очень умным, красиво говорил. Я удивлялась: «Как можно так красиво говорить? Откуда это берется?». Решила, что, наверное, потому, что он юрист. А еще на меня повлияла бабушка, мамина мама. Она всегда говорила: «Томочка, тебе надо идти на адвоката. Они так хорошо живут, так красиво говорят!» В этом мнении я и утвердились, хотя теперь знаю по жизни, что встречается среди юристов немало коснозычных людей.

Профессию юриста я выбрала раз и на всегда. В 11-м классе твердо знала, что буду поступать на юридический. Тогда в первую очередь принимали на факультет тех, кто имел не менее двух лет трудового стажа. Мой мудрый отец опасался, что пока я зарабатываю стаж, могу выйти замуж, и будет не до учебы. А я в 11-м классе начала дружить с мальчиком, он приходил к воротам и свистом вызывал меня на улицу. Папа при этом говорил: «Ну, все, отучилась!». У него было огромное желание, чтобы его дети получили образование. И папа посоветовал, чтобы я не теряла времени и поступила на заочное отделение. Тогда на юридическом факультете университета было и вечернее отделение. Но мы жили в поселке спичфабрики, далеко от автобусной остановки, и было бы небезопасно ходить там поздними вечерами.

Хотя конкурс был очень большой, я сдала вступительные экзамены успешно и была зачислена в ТГУ на заочное отделение юридического факультета. Устроилась работать старшей пионервожатой в свою 19-ю школу.

Работа с ребятишками мне нравилась, но она требовала очень много времени, и я перешла на работу лаборантом в кабинет химии к своей бывшей классной руководительнице.

Работала и старалась посещать лекции очного обучения. На заочном отделении проучилась два года, экзамены старалась сдавать с «дневниками» так, чтобы от них не отставать, и на третьем году обучения перевелась на дневное отделение. Пришлось летом готовиться и сдавать дополнительно четыре экзамена.

Что в школе, что в университете у меня был один недостаток: очень уж правильная была. Для меня идти в кино вместо лекции было совершенно неприемлемо, поэтому я не имела ни одного пропуска лекций или семинаров. К 9 часам утра приезжала в читальный зал Научной библиотеки, готовилась к семинарам, с двух часов начинались аудиторные занятия. Мы все время учились во вторую смену, которая заканчивалась в 8 часов вечера. Поскольку жила не в общежитии, то танцы, вечера, свадьбы как-то прошли в основном мимо меня. Немного участвовала в художественной самодеятельности. А в целом я была домашней девочкой,

не красилась, юбки носила до середины колена, тогда как в моде были мини-юбки.

После окончания университета, когда я была уже замужем, мы поехали по направлению мужа в Кожевниково. Муж окончил строительный институт, и его направили мастером в ПМК. У меня был свободный диплом, и я уже ждала ребенка. Чтобы получить декретные, надо было устроиться на работу, поступила кадровиком в ПМК, оттуда и ушла в декретный отпуск. А когда дочь Людмила немножко подросла, нашли няню, и я начала работать помощником районного прокурора... Работа в районной прокуратуре хороша тем, что приходится заниматься всеми отраслями прокурорского надзора. Сегодня я, например, дежурю за дежурного следователя, выезжаю на место происшествия (в том числе на трупы, на убийства), назавтра поддерживаю обвинение в суде, веду прием граждан, проверяю работу милиции, провожу общие надзорные проверки. И такое возникает ощущение, что ты незаменима. У меня

Встреча выпускников юридического факультета ТГУ 1971 г.

Фото 2001 г.

все получалось. Люди специально на процессы приходили, чтобы меня послушать.

Имея хорошую юридическую подготовку, я сравнительно быстро стала лучшим специалистом по квалификации уголовных преступлений. И это притом, что компьютеров не было, картотека находилась в запущенном состоянии, областной центр далеко — надо было до всегоходить самой. Областной прокурор, Алексей Иванович Князев, был очень мудрый человек, с большим авторитетом. Я благодарна судьбе за встречу с ним и считаю его моим первым учителем в жизни. Да и не только я, многие его вспоминают до сих пор с благодарностью.

Т.С. Мордовина в должности помощника прокурора Кожевниковского района.
Фото 1976 г.

После семи лет жизни и работы в Кожевникове, мы, думая о будущем, засобирались переезжать в Томск, но уехать было непросто, нас не хотели отпускать. Муж был уже начальником ПМК. Мы оба были коммунистами, мужа не снимали с партийного учета, и он уехал самовольно, оформившись переводом в «Облмежколхозстрой». Но тогдашний секретарь Кожевниковского райкома партии

И.И. Титов позвонил в Томский обком КПСС, и моего мужа уволили как не снявшегося с партийного учета. Муж устроился, можно сказать, подпольно в объединение молочной промышленности. Начальник объединения Попов был в хороших отношениях с моим мужем (ведь тот построил завод сухого обезжиренного молока в Кожевникове), поэтому и взял его на свой страх и риск, но только пока без зарплаты.

А у меня спрашивают: «Где муж?». Отвечаю: «Уехал в Кемеровскую область». Меня в то же время усиленно агитировали согласиться стать прокурором Кожевниковского района. Почетно, конечно, но я отказалась. Алексей Иванович Князев сокрушился: «Если добром вопрос не решите и оба по выговору получите, я же тебя не смогу в областную прокуратуру взять». А у меня один довод: вот имею одного ребенка, хочу, чтобы было два. Согласился. Пошла к Титову с тем же доводом, что ребенка жду. А он: «Ну, и что? Рожайте. Мы квартиру и Вашим родителям дадим». Тут уже злость появилась, что с нами так поступают. По какому праву?! Мы как вузовские выпускники отработали по распределению вместо трех положенных семи лет! И работали хорошо, ничем себя не запятнали. Зачем же на цепь садить? Все близкие жили в Томске, мы хотели быть рядом с ними. И вот Титов говорит: «Рожайте здесь». А я: «Как вы это себе представляете? Прокурор ушел в декретный отпуск!»

В Томске нам вначале пришлось очень сложно. Поселились у моих родителей. Вещи все в углу, а сама я не хозяйка в доме, но через год мы уже получили квартиру на Мельничной улице. Вообще квартирный вопрос у меня как-то по жизни легко решался, мы не испытывали тех тягот, с которыми сталкивались многие томичи.

С работой тоже все устроилось: меня перевели в областную прокуратуру, и я стала работать прокурором в отделе общего надзора. Прокуратура располагалась в здании на улице Розы Люксембург, напротив Штамновского института (его сейчас снесли). Я там работала с 1977-го по январь 1979 года. Работа нравилась, Алексей Иванович Князев меня ценил, я была на хорошем счету, хотя и была одним из самых молодых работников.

В то же время была создана городская прокуратура. Городским прокурором был назначен прокурор Кировского района Тимофей Тимофеевич Сафонов, а на его место

назначили Александра Ивановича Калинина. Калинину стали искать заместителя по надзору за милицией. Список кандидатур, в который была внесена и я, понесли на согласование в горком партии, в отдел административных и торгово-финансовых органов (такая солянка!). А в этом отделе как раз образовалась вакансия на должность инструктора по административным органам, и Олег Мефодиевич Ершов, завотделом, мое личное дело в сторону отложил. По его предложению горком начал «работать по мне», чтобы взять на эту должность. Я не хотела. Вызывает меня Алексей Иванович Князев и говорит: «Надо идти, Тамара Сергеевна.

Николаевич Волков. Открываю ящики стола — горы постановлений бюро горкома по административным органам, не снятых с контроля, у многих давно уже вышли сроки. Сижу над этими бумагами, слезы капают прямо на них. И что за слог в документах: усилить, укрепить, отметить. Мне это чуждо, непонятно, неинтересно. В таком состоянии я была месяцев шесть. Все же вошла в курс дела, разделялась с накопившимися постановлениями. Правда, Олег Мефодиевич Ершов сказал: «Ты хорошо пишешь, но ты пишешь по-прокурорски, а это другого качества документ». Долго я вырабатывала нужный стиль. В жизни, конечно, мне и этот

Завотделом административных и торгово-финансовых органов Томского горкома КПСС Т.С. Мордовина на совещании секретарей райкомов партии (в первом ряду, 2-я слева).

Фото 1984 г.

Есть вещи, от которых нельзя отказываться. Допустим, вы откажетесь, останетесь в прокуратуре, но всякая перспектива роста для вас будет закрыта. Пойдите, поработайте там. Это полтора-два года. Потом вернетесь». И я согласилась.

Пришла в горком, села за стол. В отделе три инструктора, три стола. До меня по административным органам работал Иван

опыт пригодился. Опять тут вспомнишь слова папы: любое ремесло за плечами не носить.

Умение работать с документом мне здорово потом помогло, и сейчас для меня не составляет труда подготовить любой документ. И другие навыки пригодились также — сама дисциплина работы с документами, очень жесткий порядок делопроизводства. Все это я усвоила тогда, и сегодня мне это помогает в работе управленцами. Кроме того, приходилось заниматься в горкоме и организационной работой: выходы в коллективы, встреча с начальниками РОВД, районными прокурорами, судьями, военкомами,

добровольными дружинниками, досаафовцами. Ну, и с работниками торговли, общественного питания, бытового обслуживания. С работниками правоохранительных органов мне было приятно работать. Они были близки мне по духу, они свои, мне было понятно, как написать тезисы выступления, доклад по вопросам борьбы с преступностью, потому что мы говорили с ними на одном языке. А на совещание работников торговли приходили тетки в меховых шапках, все с золотыми кольцами. На каком языке с ними разговаривать?

Моим вторым учителем по жизни (после Князева) стал секретарь Томского горкома

Супруги Тамара Сергеевна и Александр Викторович Мордовины.
Фото 2013 г.

КПСС Юрий Иванович Литвинцев. Очень умный человек, жесткий, требовательный, я многому у него научилась. В горкоме я проработала полтора года. А потом звонит Алексей Иванович Князев и говорит: «Тамара Сергеевна, освободилось место старшего помощника прокурора по кадрам». Думаю, хоть и не оперативная работа, но все равно в родных стенах. И я пошла отпрашиваться, а наутро коллеги говорят: «А вы знаете, Олег Мефодиевич свою кандидатуру заявил на помощника прокурора и получил благословение Юрия Ивановича Литвинцева». В горкоме Ершов отработал десять лет, и вот он ушел, а меня назначили на его место заведующей отделом. Это было настоящей трагедией для меня!

Повышение я перенесла тяжело. Мне было тогда 32 года, пожалуй, самая молодая из завотделами и единственная женщина на такой должности. Помню, утвердили меня на бюро обкома, и я поехала к родителям на Спичку. Жаркий летний день, я иду по улице и думаю: «Мне бы гордиться сейчас. Вон Ершов — он очень гордо держал себя, почему же мне так невесело? Ведь вот приду сейчас к родителям, можно похвастать новой должностью, а мне не хочется». Пришла, рассказала все отцу. Он выслушал и говорит: «А лишним не будет. Работай. Не выгнали же тебя, а, наоборот, повысили. А в прокуратуре тебя не забудут». И вот, работая в горкоме, я все годы стремилась в прокуратуру. Как только там вакансия, я — к секретарю. Литвинцева уже не было (сначала в обком взяли, потом в ЦК), Кетов пришел, потом В.П. Жуков. Говорю, что в прокуратуре место есть, хочу туда. Ответ один: «Да вы что! А кто вместо вас работать будет?». И все.

Лето 1985 года... Я в отпуске и в очереди за арбузами встречаю прокурора города Тимофея Тимофеевича Сафонова. Он говорит:

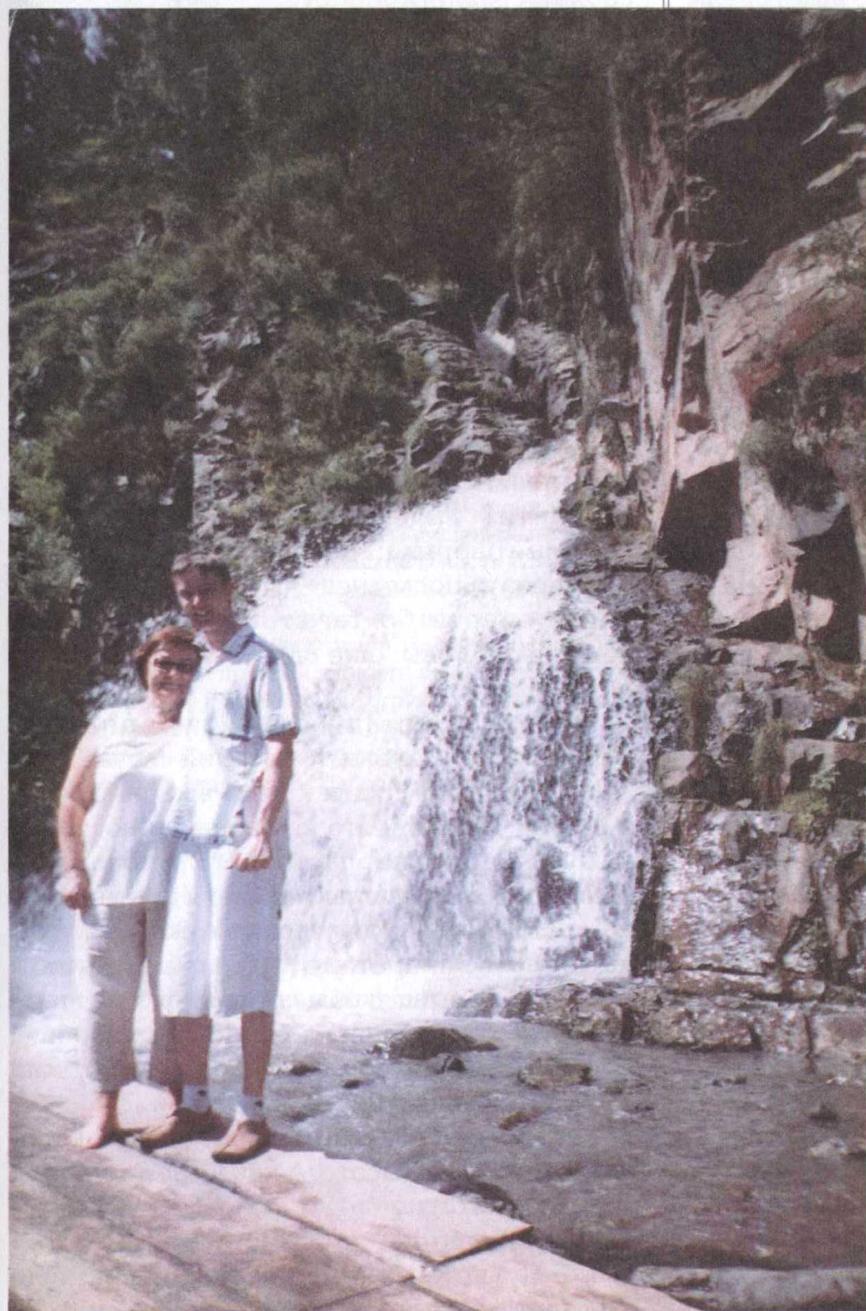
- Тебя поздравить можно?
- С чем?
- Тебя же начальником отдела юстиции назначили. Копанчука сняли.

Мне уже не до арбуза. Надо же! Я только что в очередной раз получила отказ А.П. Жукова отпустить меня в прокуратуру. Бегу к нему, а он говорит:

- Да, вам оказана большая честь...
- Я же не хочу туда!

Я знала, что такое юстиция. Это же завхоз при судах, это материально-техническое обеспечение, это хозяйствственные вопросы! Я ими никогда не занималась. Отдел юстиции также подбирал судейские кадры, решал вопросы поощрения и наказания работников судов, осуществлял контроль за сроками, налагал взыскания, ему подчинялись нотариат, администрация. Одним словом, это была чисто административная деятельность. Ко всему этому у меня не было никакого стремления. Сказала Жукову, что буду отказываться, и пошла

в обком партии. Обратилась к заведующему общим отделом Е.А. Вологдину, сказала ему, что не хочу в отдел юстиции, а хочу в прокуратуру, хотя бы на рядовую работу. Однако Вологдин со мной разговаривать не стал, жестко сказал: «Вопрос решен. Все. Идите!». Я пошла к А.Г. Мельникову. Говорю: «Я за свою жизнь собачьей будки не построила. Это же хозяйственная работа. У меня даже дома вопросами покрасить-побелить муж занимается». А он меня уговаривает, мол, там, в отделе юстиции, до сих пор мужик во главе был: «За одиннадцать лет все развалил, а ты сейчас своей сильной женской рукой все поднимешь». С этим я и вышла от него и пошла в отдел юстиции.

В юстицию молва раньше меня пришла: уже настрой такой был, что я всем головы пооткручиваю. За мной почему-то закрепилась репутация, что я какая-то держиморда. И сейчас, когда я работаю в аппарате областной администрации, то же самое. Боятся. Честно говорю, я никогда, ни на кого голос не повысила и никогда ни одного человека умышленно не изживала. Гнобить, подличать — этого у меня никогда не было. Почему боятся, не знаю. И вот из горкома молва пришла в отдел юстиции: дескать, держитесь, ребята, Баба Яга приехала на метле, сейчас всех разгонит. Кого-то разогнала, а кого-то и нет. У меня привычка ценить людей по тому, как они работают. Хороший человек — это хороший человек, это не профессия. Мне главное, как он работает, главное знать, что от него отдача будет. А хорошему человеку, но плохому работнику я так и говорила: «Лапочка, иди и работай где-нибудь в другом направлении. Дело не должно страдать». Такое, конечно, не легко дается, а навыки такие приобретались в горкоме, может, оттуда и молва такая обо мне пошла.

Должна сказать, что в отделе юстиции я приобрела опыт хозяйственного руководителя: выбила деньги в министерстве на реконструкцию выделенного на улице Пушкина здания для отдела. Но выбить деньги — еще не все. Надо попасть в подряд на строительство, а у строителей все, включая кирпич, доски и все прочее, расписано на годы вперед. Тут пригодились мое знание людей и круг общения, сложившийся во время работы в горкоме. Многие руководители сохранили уважение ко мне, и это помогало. Важно, что победила чувство робости: я могла выходить со своими

Т.С. Мордовина с сыном Сергеем на Алтае.
Фото 2006 г.

проблемами на любой уровень. Ко всему этому надо прибавить мою настойчивость, умение составить документ, отнести его в нужный кабинет и, если выгонят в дверь, то, как говорится, войти в окно. В итоге мой муж, который работает в судебном департаменте по хозяйственным вопросам, говорит, что в отделе юстиции до сих пор вспоминают меня добрым словом. Это лучшая похвала.

В 1989 году я уволилась из отдела юстиции в связи с предстоящей операцией на сердце сына Сережи. А выйдя на работу пять лет спустя, вернулась в областную прокуратуру — прокурором в отдел общего надзора. Но это было уже новое время, новые законы, и я боялась, что не справлюсь. Но достаточно быстро все одолела, вошла в курс новых дел. После этого мне стало даже скучно, казалось, что работы мало: проверку провела, документ подготовила и все, делать нечего. Я ходила к начальнику отдела и просила новые задания. Мои коллеги по отделу, особенно молодые, расценивали это как желание высужиться перед начальством. А мне действительно было невыносимо просто сидеть и, ничего не делая, поглядывать на часы, когда 6 часов будет и окончится рабочий день.

Поэтому, когда в 1996 году меня пригласили на работу в Администрацию Томской области, председателем комитета по правовым вопросам, я сразу согласилась. И снова мне помог освоиться, сориентироваться в новом деле опыт прежних разноплановых работ. И опять в мыслях всплывает папин наказ: никакое ремесло за плечами не носить! Все к тебе поворачивается и идет во благо, если, конечно, при этом есть желание работать.

В комитете по правовым вопросам я стала четвертым юристом, нужно было создавать правовую службу. Причем пришла я в комитет в момент острейшего конфликта между Администрацией и прокуратурой Томской области. Тогда прокурором был Х.У. Пономарев, а при нем любой протест — на грани скандала. Управляющий делами областной администрации А.В. Карпов не стал посыпать в прокуратуру постановления администрации. Конечно, это было противозаконно, но очень трудное время было. Не было вообще никаких денег! Месяцами не выдавалась зарплата, но как только начинали что-то делать, находить какой-то выход — мешал закон. И его игнорировали.

И вот когда я пришла в администрацию, то создала и укрепила правовую службу,

с ней стали считаться. Работники администрации заходили к нам за консультацией. И когда обсуждался вопрос о том, что нужен управляющий делами администрации, заговорили о моей кандидатуре. Я ахнула. Честно сказать, я пришла в комитет по правовым вопросам с намерением доработать до пенсии. Меня устраивала эта работа: она была юридической и мне нравилась. Работа в комитете расширила мои познания в законодательстве, потому что необходимо было давать заключения, проверять правильность действий юристов, отстаивать ту или иную позицию с точки зрения закона, вникать в возможности его применения. Вспоминала, анализировала законы и почувствовала себя настоящим юристом, опять стала себя уважать. В моей должности устраивало все, в том числе и зарплата, и режим работы (с 9 до 18 часов). В то время мы достроили дом в Тимирязеве, стала часто ездить туда. Ни о каких новых переменах думать нужды не было.

И вдруг ко мне заходит Н.Е. Кожемяков и говорит, что мне предстоит возглавить управление делами. Я замахала руками, стала приводить разные доводы, в том числе и семейные. Предложила другую кандидатуру, была уверена, что я на эту должность не пойду. И муж меня в этом решении поддерживал. Правда, дочь сказала: «А почему не пойти? Ты еще молодая! Надо идти». А мама говорила: «Не соглашайся! Здоровье трепать последнее». У мамы одна забота после смерти брата, чтобы мы все были живы и здоровы: еще одного ужаса ей было не перенести.

Меня приглашают к губернатору В.М. Крессу. Это был тот редкий случай, когда я должна была идти к нему в кабинет. Иду и думаю, что если это по назначению, то откажусь. Сейчас нет партийного руководства. Сколько можно направлять меня против моей воли. Но поскольку Крессу уже сказали, что я категорически против этой должности, что я и здоровьем сына якобы спекулирую, он начал разговор с вопроса, как у меня дела вообще.

— Нормально, — отвечаю, — а что, есть замечания какие-нибудь?

— Да нет. Все нормально. У нас правовой комитет на высоте. А как у вас дома? Как у сына дела?

— Хорошо.

— Ну, вот, а у меня просьба к вам: нужно плечо подставить... Участок работы очень

В день выборов главы Администрации Томской области (губернатора) 24 сентября 1999 г. В первом ряду, слева направо: полномочный представитель Президента РФ в Томской области В.А. Жидких; управляющая делами (замгубернатора) Т.С. Мордовина; вновь избранный глава (губернатор) Администрации Томской области В.М. Кресс; замгубернатора, начальник департамента по работе с территориями Администрации Томской области О.В. Козловская; первый заместитель главы Администрации Томской области В.Л. Пономаренко. Во втором ряду: начальник департамента экономики Администрации Томской области А.А. Лукьянец; начальник департамента по образованию и научно-технической политике В.И. Зинченко; директор совхоза «Коломенский», Герой Социалистического Труда Р.Э. Палосон; председатель комитета по вопросам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям В.В. Лопинкин; заместитель главы Администрации Томской области по сельскому хозяйству И.И. Титов; заместитель главы администрации по промышленности и поддержке предпринимательства В.В. Наговицын; заместитель губернатора по строительству, ЖКХ и инфраструктуре В.В. Гончар; председатель правления банка «Движение», депутат Государственной думы Томской области В.Н. Дурнев; президент ОАО «Востокгазпром», депутат Государственной думы Томской области С.А. Жвачкин; заместитель губернатора по социальной политике В.М. Шевелев; заведующий хирургическим отделением Парабельской ЦРБ Ю.М. Ключников; ректор СибГМУ, профессор В.В. Новицкий.

сложный... Я понимаю, что без него никак... И здесь должен быть юрист... Шамин сказал, что он политик, и ему мелочевкой заниматься некогда: канцелярия и все такое прочее...

— Виктор Мельхиорович, я намерена отказаться. Мне это не нужно!

— Какие у вас доводы?

— Мои личные обстоятельства. Мне и так хорошо!

Да, вот так вслух говорить: отказалась потому, что ей и так хорошо, а на дело наплевать! Губернатор прямо, как партийные товарищи прежних лет, говорил. Снова: долг,

совесть... Смотрю на него, а он такой рыжий, работает много (трудоголик!), работать ему трудно, человек он порядочный, честный. Я всегда чувствовала его поддержку: правовая служба состоялась, именно благодаря этой поддержке. Он всегда воспринимал мнение юристов. И вот он сидит передо мной и просит меня помочь ему, а я говорю, что не хочу, потому что мне это неудобно. Мой последний довод был, что должность управделами определенно политическая, а я ведь никакой не политик. Я этого не люблю. А он в ответ: «Ну, что ж, придется учиться».

И вот зашла я к губернатору председателем правового комитета, а вышла управляющей делами. За 20 минут беседы куда только девалась моя решимость?! Вышла и думаю, что же такое случилось, я же не хотела, почему же я согласилась-то?

Работа управленцами очень напряженная. Нажила много врагов, которых раньше никогда не было. И в этой круговорти особого удовлетворения не испытываешь, разве что удовлетворение от того, что ты востребована. Но уже с прошлогодней весны я засобиралась снова идти в прокуратуру, должность для меня там намечается. Только думаю сейчас, кем меня можно будет заменить в администрации. У меня сейчас все хорошо организовано, могу гордиться наложенным делопроизводством. Кадры канцелярии подобранны хорошие, хотя мне стоило это здоровья и нервов: шутка сказать, убрать тех, кто не справляется, подобрать и поставить

тех, кто умеет работать. Фактически у меня получилось так, что и многие службы, которые надо мной, я укрепила новыми кадрами. В контрольном комитете сменила руководителя, и это сегодня безупречная служба и опора губернатора. В правовом комитете теперь работают лучшие юристы, и с ними считаются. В управлении делами на таком важном участке, как работа по жалобам, работает Тамара Павловна Пьяных. Это человек, который отдает работе всю душу, и она навела в своем деле полный порядок. Это новый качественный уровень работы. Канцелярию возглавила Казанцева. Она подобрала и расставила людей так, что сегодня в канцелярии не к чему придраться, даже при желании. Единую систему требований по делопроизводству мы внедряем и в районных администрациях. Моя помощница Галина Андреевна Сафонова растет на глазах. Но сейчас я думаю уже над тем, кому смогу все это передать. Мой преемник, несомненно, должен быть молодым юристом, желательно, чтобы у него уже был опыт работы в администрации.

Как я себя ощущаю в нынешней должности? Вроде, я к ней не стремилась: все

Участники семинара по кадровой работе департамента государственной службы Администрации Томской области.
В первом ряду, 4-я справа Т.С. Мордовина.
Фото 2002

получилось само собой. Должность высокая — уровень заместителя губернатора. Вроде, упивайся радостью, но или Бог, или среда, или родители не дали мне честолюбия. И те издергки, которые идут по моей профессиональной деятельности, они ничем не компенсируются, и полного удовлетворения от жизни поэтому не испытываю. Думаешь иногда, может быть, мне как-то утихомириться, потише себя вести. Придешь домой и продолжашь думать о нерешенных проблемах: там что-то не сложилось, тут надо постараться губернатору изложить так, чтобы никого не обидеть, протолкнув нерешенный вопрос. Да, я научилась этой политике, в плохом смысле слова. Я иногда перестаю себя уважать, потому что занимаюсь вещами, которые ранее мне были вообще чужды. Столкнулась с интригами, а находясь на такой должности, я и сама ими вынуждена заниматься. Этого требует порой обстановка, этого требуют люди, окружающие губернатора.

Я научилась и тактическим приемам, например, выбирать момент, когда к губернатору можно обратиться с какой-то просьбой и допустить того или иного человека к нему, уже зная, как он может отреагировать. Это тоже интриги, но мне за них не стыдно. Оправдываю себя тем, что это не для себя, а для дела. И отношения теперь выстраиваю так, чтобы они могли пригодиться: раньше я этим не занималась.

Моя забота, чтобы губернатор не допустил опрометчивого шага, не принял противоречащего закону решения, чтобы никто за его спиной не мышковал, потому что за все несет ответственность губернатор. Он честный человек, но у него не хватает воли со всем этим бороться. Предыдущие 10 лет, когда против этого ничего нельзя было поделать, безусловно, наложили на губернатора свой отпечаток. Не то, чтобы он свыкся с этим, скорее не имеет веры в свои силы. И никто его не шантажирует, и никакой грязи на нем нет, — иначе бы я с ним не работала. Меня вообще удерживает на моей нынешней должности только то, что я помогаю человеку, который старается что-то сделать хорошо. Лучше, чем он, никто не воспринимает боль людскую. Он остро все ощущает. Надо слышать его на аппаратных совещаниях, когда он после очередной поездки по области, где видел, как живут крестьяне, как живут люди в лесных поселках, с болью

говорит об этом. Надо видеть его искреннее желание и попытки что-то улучшить, как-то помочь, где-то даже через не могу, где-то через закон. За нормативные акты, за все то, что подписал губернатор, я спокойна и знаю, что не придется потом ходить в свидетелях. Это примиряет меня с должностью: не зря варюсь в этом котле. Подготовить правильно документ — это у меня школа Литвинцева. Он, бывало, возвращал мне документ и говорил: «Я ведь под ним подпись поставлю, и документ в архивах сохранится. Потомки читать будут, и скажут, что за дурак был тот, кто подписал этот документ!». До меня только сейчас хорошо это дошло.

Многое именно сейчас только начинаешь понимать. Вот мне исполнилось пятьдесят! А я все до этого думала, что только собираюсь жить... Сейчас понимаю: а ведь все практически позади. Все собирались что-то сделать, но многое упустила. Я по сути своей женщина, но я, к примеру, не донаряжалась. Я уже говорила, что не красилась, а потом еще пришлось мундир прокурорский носить. Как я его не любила! Он походил на мундир лесника или почтовика. Летом жарко, а ты в этом черном мундире и с галстуком: чувствуешь себя голым в крапиве. Хотя вообще-то форма была мне к лицу.

Недавно была на открытии мемориальной доски А.И. Князеву на здании прокуратуры. Собрались ветераны из прокуратуры, из милиции, некоторые еще работают, большие должности занимают. И говорят мне: «Как же мы в тебя все влюблены были, сколько мы вокруг тебя ходили!». Я удивилась: «Ну, вы, мужики, даете! Что за мазохизм? Почему сейчас мне это говорите? Почему не тогда?!». «К тебе ж тогда подойти нельзя было».

Вот сожалею, что моя профессия такой отпечаток на меня наложила.

Полный текст воспоминаний Т.С. Мордовиной хранится в ЦДНИ ТО. Ф. 5666. Оп. 1. Д. 98. Все фотографии — из семейного альбома Т.С. Мордовиной.